

Русско-греческое управление: идеи существования Афона после Первой мировой войны

Лора Герд, Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент кафедры библеистики филологического факультета СПбГУ, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии

В течение XIX века складывается уникальное духовное и культурное явление православного мира—русский Афон. На протяжении десятилетий приходят на Святую гору русские паломники, многие из них решают навсегда связать свою судьбу с уделом Божией Матери. К середине XIX века на полуострове было три большие русские обители (Св. Пантелеймоновский монастырь, Ильинский и Андреевский скиты) и множество келлий и калив, в которых подвизалось по несколько монахов и послушников. Русское монашество Св. Горы неизменно пользовалось поддержкой русской дипломатии (посольства в Константинополе и консульства в Салониках); нередко консулы совершали поездки на Афон, лично поддерживая иноков. Щедрый поток пожертвований из России, подворья в Москве, Петербурге, Одессе, а также многочисленные «дочерние» обители афонцев (Ново-Афонский и Второ-Афонский монастыри на Кавказе, подворья в Палестине, Сербии и Ливане) позволяют нам говорить о целом «афонском мире», о влиянии русского Афона далеко за пределами Св. Горы.

Монастырь Святого Пантелеимона

Ильинский скит

Андреевский скит

В Османской империи русские афонцы пользовались относительной свободой. С точки зрения османского законодательства их статус был неопределенным: они не признавались иностранцами, но вместе с тем и не утрачивали своих прав русского подданства. На деле большинство из них сохраняли свои русские паспорта и в глазах русских властей оставались русскими подданными. Вместе с тем, существовал указ императора Александра I 1816 года, в котором говорилось, что постриг, принятый за границей, не признавался действительным на территории России. Все это противоречивое законодательство, хотя иногда и давало поводы к бюрократическим затруднениям, но на практике приводило к тому, что русские монахи, покровительствуемые дипломатией, могли достаточно безопасно принимать новых собратий и укрепляться на Св. Горе.

Увеличение числа русских иноков (в начале XX столетия их число превысило 4000 человек) вызывало опасения греков, которые считали Афон своей территорией. В условиях обострения национальных противоречий на Балканах во второй половине XIX в. славянское, и, в первую очередь, русское монашество воспринималось как угроза национальным интересам Греции. Многих усилий стоило русским дипломатам склонить патриарха Иоакима II закрепить за Св. Пантелеймоновым монастырем в 1873 г. официальный статус «русского».

Портрет Александра I верхом на коне.
Ф. Крюгер. 1837 г.

Патриарх Иоаким II
(1802-1878)

Греческая армия на Афоне.
Ноябрь 1912 г.

Сложный клубок противоречий достиг максимального напряжения к 1912 г., когда разразилась первая Балканская война. Христианские государства Балканского полуострова впервые решились сообща выступить против Османской империи. 2 ноября 1912 г. греческий отряд под предводительством Телемаха Курмулиса высадился в афонской пристани Дафни; был зачитан королевский декрет об оккупации Афона. На следующий день, 3 ноября, на Афон прибыл десант в 800 человек. Если для греков освобождение Афона было настоящей Пасхой, то у монахов-славян оно вызвало опасения и тревогу. Будет ли соблюдаться статья Берлинского трактата 1878 г. о покровительстве иностранным монахам со стороны их консульств? Каков будет статус Афона? Последний вопрос стал предметом длительных дискуссий. Первоначально он должен был решиться на Лондонской конференции великих держав в мае 1913 г. Россия категорически стояла за интернационализацию Афона, как общего достояния православного мира, под протекторатом шести православных государств (России, Греции, Румынии, Сербии, Болгарии и Черногории). Болгария также включалась в список, как имевшая свой монастырь на Афоне; была сильна надежда на снятие схизмы с Константинополем, провозглашенной в 1872 г. Таким образом, предполагалось, во-первых, нейтрализовать главенство греков, а, во-вторых, защитить права выходцев из каждого православного государства. Идея международного статуса Афона принадлежала российскому министру иностранных дел С. Д. Сазонову, который настаивал на нейтрализации св. Горы и сохранении ее под духовной властью Константинопольского патриархата.

В архивах сохранилось несколько проектов будущего устройства Афона. Первый из них принадлежал генеральному консулу в Салониках А. К. Беляеву. Каждое из шести православных

государств должно назначать по одному представителю, который будет заседать в административном центре Св. Горы, Карее. Делегаты составят совет, который, под руководством русского представителя, заменит собой турецкого чиновника, каймакама. Функции делегатов будут сходны с функциями консулов-представителей стран. Такой проект был бы осуществлением давней идеи создания на Афоне русского консульства—проект, который в османское время так и не был реализован. Духовное же управление Св. Горы (Протат), оставалось, разумеется, прежним.

Второй проект принадлежал консулу в г. Битоли в Македонии А. М. Петряеву. Эта записка, в основном повторяющая положения проекта Беляева, предполагала, что Афон не должен войти в состав какого-либо из православных государств; верховная власть должна оставаться в руках патриарха, а решение спорных вопросов будет предоставлено соглашению между патриархией и русским посольством, с участием дипломатов других православных государств.

Докладная записка сотрудника константинопольского посольства Б. С. Серафимова предоставляет первенствующее положение русскому покровительству на Афоне. Подчеркивая то обстоятельство, что монастыри, не принадлежащие русским, существуют либо за счет сборов на территории России, либо за счет доходов с имений, находящихся в той же России, Серафимов делает вывод, что нерусские обители без помощи империи скоро придут в запустение. Со временем из 17 греческих монастырей, считал он, многие станут русскими, и тогда «сохранив древлеправославный Афонский уклад, монахи наши увидят себя в лучших условиях». Что касается настоящего административного положения, то православные государства должны по очереди назначать на Афон своего представителя. Афон, таким образом, переходит под покровительство России, а западные державы не должны вмешиваться в дела чисто православного учреждения.

Особый проект был предложен юристконсульту константинопольского посольства А. Н. Мандельштамом. Не вникая в церковную сторону вопроса, он предложил текст юридического содержания на 48 страницах. Афон, согласно этому документу, объявлялся нейтральной территорией под духовным руководством Константинопольского патриарха и совместным управлением (кондоминиумом) шести православных государств. Гражданскую власть на Афоне будут осуществлять 6 комиссаров. Всего представителей будет 12—5 от России, 3 от Греции и по одному от остальных стран. В распоряжении комиссаров будет жандармерия, которая обеспечивается странами пропорционально числу представителей. Синаксису—монашескому самоуправлению—предоставляется неограниченная духовная и ограниченная материальная власть. По мнению Мандельштама, новое Афонское государство должно обладать всеми признаками государства: свою территорию, подданных, исполнительную и судебную власть. Единственным признаком афонского подданства является место жительства; паломники признаются иностранцами. Для сравнения Мандельштам рассматривает примеры других

государственных образований: Краковская республика (1815), Молдавия и Валахия (1856), Крит (1899). Коллективный кондоминиум шести государств во главе с Россией позволил бы в будущем избежать национальных конфликтов.

Специалист по истории Церкви, профессор А. А. Дмитриевский в своем проекте останавливается на церковной стороне вопроса. С точки зрения канонического права важно сохранение власти Константинопольского патриарха. Недопустимым, подчеркивал он, является присоединение Афона к Русскому Св. Синоду или Афинскому архиепископу. Целесообразным находил Дмитриевский и деление монастырей на общежительные и идиоритмические (своежительные); что касается общинного (кинотского) управления Афона он считал необходимым внести некоторые коррективы в пользу славянских монахов. Присутствие же светских жандармов на Афоне он считал крайне нежелательным.

Как реагировали на эти проекты другие заинтересованные стороны? Наибольшее сопротивление следовало ожидать со стороны греческого правительства. Переговоры с Константинопольским патриархом Германом V прошли без особых затруднений. Греческий министр иностранных дел Коромилас, как и глава правительства Э. Венизелос в разговорах с русским посланником в Афинах Е. П. Демидовым выразили готовность обсуждать проект и даже идти навстречу русским предложениям. Венизелос при этом подчеркивал, что заинтересованными сторонами здесь являются, на его взгляд, только Россия и Греция; участие сербского представителя он еще мог допустить, но резко возражал против болгарского.

Менее сговорчивыми были греческие духовные власти. Кипрский архиепископ (впоследствии Константинопольский патриарх) Мелетий Метаксакис резко выступал против кондоминиума. Когда на Афоне стало известно о планах русского правительства, делегация из 17 греческих монастырей адресовала в Афины и к участникам Лондонской конференции просьбу о немедленном присоединении полуострова к Греческому государству. В ответ на это 12 мая 1913 г. русские монахи отправили участникам конференции свое письмо с просьбой о нейтрализации Афона и организации самоуправления с тем, чтобы избирался один представитель на каждые 250-300 монахов. Таким образом в Совете (Синаксисе) обеспечивалось бы главенство русских представителей.

Лондонский договор 17 мая 1913 г. лишь откладывал решение вопроса о статусе Св. Горы. В июле-августе 1913 г. в Лондоне состоялось совещание держав по итогам Балканских войн, где также поднимался вопрос о статусе Афона. Русский проект интернационализации Афона встретил противодействие со стороны Австро-Венгрии. В результате была одобрена только первая часть проекта—о духовной власти Константинопольского патриарха. Что касается второй части—о международном статусе Св. Горы—он был снова отложен. Не получил решения вопрос и в Бухарестском договоре 26 августа 1913 г., по итогам второй балканской войны.

**Русский посол Б. С. Серафимов
с монахами Андреевского скита. 1913 г.**

**Патриарх Мелетий
(1871–1935)**

**Михаил Николаевич
Гирс (1856–1932)**

В сентябре 1913 г. на Афон был командирован Б. С. Серафимов. Он застал крайне напряженную обстановку: русское монашество, ослабленное депортацией имяславцев, находилось в постоянной тревоге за свое будущее; афонский Кинот, вдохновляемый Мелетием Метаксакисом, в октябре снова отправил в Афины делегацию с просьбой о немедленном присоединении Афона к Греции.

Осуществление кондоминиума Серафимов в новых условиях считал невозможным; вместо того он предлагал обеспечить за русскими обителями экстерриториальный статус, что поставило бы их наравне с консульскими учреждениями России за границей, а их насельникам обеспечивало бы личную неприкосновенность. Предложение Серафимова, однако, не было одобрено в русском посольстве. Последняя попытка обсуждения вопроса о статусе Афона была предпринята в июле 1914 г., когда Венизелос, нуждавшийся в помощи России, предлагал послу в Константинополе М. Н. Гирсу создать русско-греческое управление Афоном, без участия других православных государств. Первая мировая война в очередной раз отодвинула решение вопроса.

Русское правительство не признавало присоединения Афона к Греции вплоть до революции 1917 г. Вопрос о статусе Афона можно считать окончательно решенным только в 1926 г., когда греческое правительство издало постановление о том, что все насельники Св. Горы должны иметь греческое подданство.

Источник: <https://mospat.ru/ru/authors-analytics/87010/>